

ГЕЙЛ КАРСОН ЛИВАЙН

ЗАКОЛДОВАННАЯ
ЭЛЛА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 087.5
ББК 84(7Сое)-445
Λ 55

Gail Carson Levine
ELLA ENCHANTED
Copyright © Gail Carson Levine, 1997
This edition published by arrangement with Curtis Brown, Ltd.
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Анастасии Бродоцкой

Оформление обложки
Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-16211-2

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эта дурочка фея Люсинда и не собиралась меня проклинать. Хотела наградить волшебным даром. Весь первый час своей жизни я рыдала так безутешно, что мой рев навел ее на «блестящую» мысль. Фея сочувственно покивала маме и притронулась к моему носу.

— Мой дар — послушание. Элла будет всех слушаться. Не плачь, дитя мое.

Я перестала плакать.

Отец, как всегда, уехал по своим торговым делам, зато дома была наша кухарка Мэнди. Они с мамой страшно перепугались, но сколько ни втолковывали Люсинде, что за медвежью услугу она мне оказала, эта тупица так ничего и не поняла. Я частенько представляла себе, как они спорят: у Мэнди на лице проступили все веснушки, буйная седая шевелюра растрепалась, двойной

подбородок колышется от злости, а мама напряженно застыла — каштановые кудри еще влажные от пота после родов, и смех в глазах погас.

Люсинду я при этом себе не представляла. Я же не знала ее в лицо.

Снимать проклятие она отказалась.

До меня дошло, какой это кошмар, в день, когда мне исполнилось пять лет. Этот день прямо стоит у меня перед глазами: Мэнди пересказывала мне эту историю тысячу раз.

— На твой день рождения, — начинает она, — я испекла прекрасный торт. Шесть коржей!

Наша старшая горничная Берта сшила мне нарядное платье.

— Темно-темно-синее с широким белым поясом. Ты уже тогда была маловата ростом для своих лет, да еще с белым бантом в черных волосах и с разрумянившимися щечками — ну вылитая фарфоровая кукла!

Посередине стола стояла ваза с цветами, которые собрал Натан, наш лакей.

Мы все сидели за столом (отец, само собой, уехал по делам). Я была в восторге. Я же видела, как Мэнди печет торт, Берта шьет платье, а Натан собирает цветы.

Заколдованная Элла

Мэнди разрежала торт. А потом положила кусок мне на тарелку и сказала не подумав:

— Ешь.

Первый кусок был невероятно вкусный. Я мигом его доела и была страшно довольна. Тогда Мэнди отрезала второй. Он дался уже не так легко. Больше мне торта не положили, но я чувствовала, что обязана съесть еще. И воткнула вилку в торт на блюде.

— Элла, что ты делаешь?! — возмутилась мама.

— Вот поросенок, — рассмеялась Мэнди. — У нее день рождения, госпожа. Пусть ест сколько хочет.

И положила мне еще кусок.

Меня замутило, я испугалась. Почему мне не остановиться?

Каждый глоток был как пытка. Каждый кусок тяжело ложился на язык, и я с усилием проталкивала его внутрь, словно липкий ком засохшего клея. Я заплакала — но все ела и ела.

Мама первая поняла, что происходит.

— Элла, перестань есть, — велела она.

Я перестала.

Помыкать мной мог кто угодно — стоило лишь отдать мне приказ. Только это должен был

быть именно приказ, например: «Надень шарфик» или «А сейчас ты должна идти спать». Просьбы и пожелания на меня не действовали. Фразы вроде «Я бы хотела, чтобы ты надела шарфик» или «Уже пора спать, тебе не кажется?» я могла безнаказанно пропустить мимо ушей. Но против приказа я была бессильна.

Если бы кто-нибудь приказал мне пропрыгать на одной ножке сутки напролет, мне бы пришлось послушаться. Между прочим, прыгать на одной ножке — не самый скверный приказ. Прикажи мне кто-нибудь, чтобы я отрезала себе голову, я бы отрезала.

Моя жизнь была полна опасностей.

Когда я подросла, то научилась слушаться приказов не сразу, однако каждый миг дорого мне стоил — я задыхалась, меня тошнило, голова шла кругом, все болело... Долго продержаться мне не удавалось никогда. Даже несколько минут оборачивались пыткой.

У меня была фея-крестная, и мама просила ее снять заклятие. Однако фея-крестная сказала, что снять его может только сама Люсинда. Правда, добавила она, чары, возможно, удастся разрушить и без помощи Люсинды, но не сейчас.

Заколдованная Элла

Как — я не знала. Я даже не знала, кто, собственно, такая моя фея-крестная.

* * *

Проклятие Люсинды сделало меня не кроткой, а, наоборот, жутко своенравной. Хотя, возможно, это у меня от природы.

Мама никогда не отдавала мне строгих распоряжений. Отец о проклятии не знал, да и видел меня так редко, что особенно ничего не приказывал. А вот Мэнди любила покомандовать. По доброте душевной и «ради твоего же блага». «Оденься потеплее, Элла». Или «Подержи миску, лапочка, пока я взбиваю яйца».

Эти команды мне не нравились, хотя и вреда от них не было. Миску я держала, но при этом бегала по всей кухне, а Мэнди приходилось гоняться за мной. Она называла меня проказницей и пыталась подловить — отдавала более точные распоряжения, — а я в ответ придумывала новые уловки. Вот и получалось, что, когда мы с ней делали что-то вместе, это частенько сильно затягивалось, особенно если мама, хохоча, принималась подкалывать нас по очереди.

Кончалось все хорошо: или я все-таки решала сделать, как Мэнди велит, или Мэнди меняла гнев на милость и просила, а не приказывала.

Если Мэнди по рассеянности отдавала мне распоряжение, а я понимала, что она это не всерьез, я спрашивала: «Это обязательно?» И она всегда задумывалась над своими словами.

Когда мне было восемь лет, у меня была подружка по имени Памела, дочка одной нашей служанки. В один прекрасный день мы с ней торчали в кухне — смотрели, как Мэнди готовит марципаны. Мэнди отправила меня в кладовку принести еще миндаля, а я вернулась с двумя орешками — и все. Тогда она велела мне сходить еще раз и уже точнее объяснила, что ей нужно, и тут уж я выполнила указания, но мне все равно удалось потянуть время и позлить ее.

Потом, когда мы с Памелой побежали в сад поесть марципанов, она спросила, почему я сразу не послушалась Мэнди.

— Терпеть не могу, когда она командует, — сказала я.

— А я всегда слушаюсь старших, — надменно ответила Памела.

— Тебе необязательно, вот и слушаешься.

— Еще как обязательно, а то папа меня наплекает.

— У меня совсем другое дело. Меня заколдовали.

Заколдованная Элла

Я страшно загордилась: это прозвучало так веско. Колдовство было редкостью. Феи не разбрасывались чарами направо и налево и людей не заколдовывали — кроме Люсинды, конечно.

— Как Спящую красавицу?!

— Да, только мне не придется проспать сто лет.

— А что на тебе за чары?

Я рассказала.

— Если кто-нибудь что-нибудь тебе прикажет, ты послушаешься? Даже меня?!

Я кивнула.

— Можно, я попробую?

— Нет!

Такого я не предусмотрела. И сменила тему:

— Давай наперегонки до калитки!

— Ладно, только я приказываю тебе проиграть!

— Тогда я не хочу наперегонки.

— Я приказываю тебе бежать со мной наперегонки и проиграть!

Мы побежали. Я проиграла.

Мы собирали ягоды. Мне пришлось отдавать самые спелые и сладкие Памеле. Мы играли в красавицу и чудовище. Я была чудовищем.

Не прошло и часа после моего признания, как я стукнула Памелу. Она расплакалась, из носа у нее пошла кровь.

Тейл Карсон Ливайн

В тот день нашей дружбе пришел конец. А мама нашла для матери Памелы другое место — подальше от нашего города под названием Фрелл.

Мама наказала меня за рукоприкладство, а потом отдала один из своих редких приказов: никогда никому не говорить о проклятии. Правда, я бы все равно не стала. Уже поняла, что надо быть осторожной.

* * *

Когда мне было почти пятнадцать, мы с мамой простудились. Мэнди кормила нас лечебным супом — морковка, порей, сельдерей и волоски из хвоста единорога. Очень вкусно, только неприятно смотреть, как плавают среди овощей длинные желтовато-белые волоски.

Поскольку отец снова уехал, мы с мамой ели суп у нее в постели. Если бы отец был дома, я бы вообще не заглядывала к маме в комнату. Отец не любил, когда я попадалась ему на глаза, — он говорил, что я вечно кручусь под ногами.

Я глотала суп вместе с волосками — ведь Мэнди так велела, — хоть я и корчила брезгливые гримасы и в тарелку, и в спину удалившейся Мэнди.

Закладованная Элла

— Подожду, пока остынет, — сказала мама. А когда Мэнди ушла, вытщила волоски, съела суп и положила их обратно в пустую тарелку.

На следующее утро я узнала, что маме стало хуже — она даже не может ни есть, ни пить. Она жаловалась, что в горле у нее словно ножи, а в голове — стенобитный таран. Я прикладывала ей на лоб полотенца, смоченные в холодной воде, и рассказывала всякие истории. Это были старые, давно знакомые волшебные сказки, но я там кое-что меняла, и иногда мама даже смеялась. Только смех всегда переходил в кашель.

Когда Мэнди велела мне идти спать, мама поцеловала меня в лоб:

— Спокойной ночи. Я тебя люблю, радость моя.

Это было последнее, что она мне сказала. Уходя, я слышала, как она говорит Мэнди:

— Мне скоро станет лучше. Не надо посы-
лать за сэром Питером.

Сэр Питер — это мой отец.

Наутро мама проснулась, но в себя так и не пришла. Глаза у нее были открыты, и она болтала с невидимыми придворными и теребила серебряное ожерелье. Ни мне, ни Мэнди она ничего не говорила, хотя мы сидели рядом.

Лакей Натан привел врача, и тот тут же прогнал меня от мамы.

В коридоре было пусто. Я прошла по нему и спустилась по винтовой лестнице, припоминая, сколько раз мы с мамой съезжали по перилам.

Конечно, при посторонних мы себе такого не позволяли. «Надо держаться с достоинством», — шептала мне мама и спускалась по лестнице, держась особенно величаво. А я шла следом, стараясь ей подражать и борясь с природной неуклюжестью, и радовалась, что играю в ее игру.

Но когда мы были одни, то предпочитали с визгом и хохотом съезжать по перилам. А потом снова бежать наверх и снова съезжать — и два, и три, и четыре раза.

Спустившись до самого низа, я открыла тяжелую парадную дверь и выскользнула на яркий солнечный свет.

Идти к старому замку было далеко, но я хотела загадать желание, а делать это надо было именно там: желания, загаданные в старом замке, чаще всего сбывались.

Замок забросили, когда король Джеррольд был еще маленький, хотя туда иногда приезжали по особым случаям — на закрытые балы, свадьбы и так далее. Но Берта все равно твердила, что там

Заклявшая Элла

водятся привидения, а Натан — что там полно мышей. Сад вокруг замка совсем зарос, и все же волшебные деревья-канделябры, по словам Берты, сохранили свое могущество.

Вот я и двинулась прямо в рощу из деревьев-канделябров. Это были небольшие деревья, которые специально подстригали и перевязывали проволокой, чтобы они росли в форме подсвечников.

Когда загадываешь желание, надо предлагать что-то взамен. Я закрыла глаза и задумалась.

— Если маме скоро станет лучше, я буду хорошей, а не просто послушной. Я изо всех сил постараюсь не быть такой неуклюжей и пореже дразнить Мэнди.

Я не попросила, чтобы мама осталась жива, ведь мне и в голову не приходило, что она может умереть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— ...**О**ставив безутешного мужа и дочь... Наш долг — поддержать их, — закончил верховный советник Томас свою нудную речь, которая затянулась на битый час. Иногда в речи упоминалась и мама. По крайней мере, часто звучали слова «леди Элеонора», однако ее описание — «заботливая мать, преданная супруга, верная гражданка своей страны» — скорее подошло бы самому верховному советнику, а не маме, с поправкой на мужской род, конечно. Говорилось в речи и о смерти, но куда больше — о службе на благо Киррии и ее правителей, короля Джеррольда, принца Чарманга и всей королевской семьи.

Отец взял меня за руку. Ладонь у него была влажная и горячая, словно болото с гидрой. Я очень жалела, что мне не позволили стоять рядом с Мэнди и остальными слугами.

Заколдованная Элла

Я высвободилась и отодвинулась на шаг. Отец подошел ближе и снова взял меня за руку.

Мамин гроб был из полированного красного дерева с резными узорами, изображавшими фей и эльфов. Вот только феи не могли выпорхнуть из деревянных завитушек и оживить маму своими чарами. А еще — вот бы кто-нибудь из них отправил отца куда подальше. А может быть, все это было по силам моей фее-крестной — если бы я знала, где ее искать!

Когда верховный советник наконец замолчал, я должна была закрыть гроб, чтобы маму опустили в могилу, — мне это поручили. Отец положил руки мне на плечи и вытолкнул меня вперед.

Губы у мамы были сурово сжаты — при жизни она так никогда не делала. И лицо стало пустое, и это было ужасно. Но еще хуже было слышать, как скрипнула крышка гроба, когда я ее опустила, и как она сухо защелкнулась. И думать о том, что маму убрали в ящик, словно ненужный хлам.

Весь день я сдерживала слезы, а теперь они прорвались наружу. При всей королевской свите я ревела, будто младенец, и не могла остановиться.

Отец прижал меня к груди. Наверное, со стороны казалось, будто он меня утешает, но на самом деле он просто хотел заглушить неприличный вой, а вой не заглушался. Тогда отец выпустил меня. И приказал резким шепотом:

— Вон отсюда. Вернешься, когда сможешь держать себя в руках.

Впервые в жизни я была рада послушаться. И бросилась бежать. Наступила на подол тяжелого черного платья и упала. Никто не успел броситься мне на помощь, я вскочила и снова кинулась бежать — ладонь и коленка горели огнем.

Самым большим деревом на кладбище была плакучая ива — дерево скорби. Я продралась сквозь завесу ветвей и бросилась на землю, судорожно всхлипывая.

Все говорили, мол, я потеряла маму, но ведь мама не потерялась. Просто ее больше нет, и сколько бы я ее ни искала — в другом городе, в другой стране, в Гномьих Пещерах или в Царстве Фей, — я ее не найду.

Мы больше никогда не поговорим, не посмеемся вместе. Не пойдем купаться в реку Люцарно. Не будем кататься по перилам, не станем дурачить Берту. Да мало ли что...

Когда слезы иссякли, я села. Платье спереди было уже не из черного шелка, а из бурой грязи.

Заколдованная Элла

Как сказала бы Мэнди, я представляла собой роскошное зрелище.

Сколько прошло времени? Надо вернуться. Отец мне велел, и проклятие настырно тянуло меня послушаться.

За стеной из ветвей, окружавшей мое убежище, стоял принц Чармант и читал надпись на каком-то надгробии. Я впервые в жизни видела принца вблизи. Неужели он слышал мой рев?

Принц был всего на два года старше меня, но гораздо выше и стоял совсем как его отец — расставив ноги и сложив руки за спиной, будто на смотру, когда мимо шагала вся страна. И лицом он был похож на отца, хотя резкие черты Джеррольда во внешности сына проявлялись гораздо мягче. У обоих были рыжеватые кудри и смуглая кожа. Короля я вообще никогда не видела вблизи и не знала, есть ли у него на носу веснушки — редкость при таком цвете лица.

— Дальний родственник, — пояснил принц, показав на надгробие. — Никогда его не любил. А твою маму я любил. — Он двинулся обратно к ее могиле.

Надо ли мне идти за ним? Или мне полагается держаться от королевской особы на почтительном расстоянии?

Я пошла с ним рядом, — правда, между нами могла проехать карета. Принц подошел поближе. Тут я обнаружила, что он тоже плакал, только не падал, а потому не перемазался.

— Зови меня Чар, — вдруг сказал принц. — Меня все так называют.

Неужели и мне можно?! Мы пошли дальше, не говоря ни слова.

— Отец тоже называет меня Чар, — добавил принц.

Сам король!

— Благодарю вас, — сказала я.

— Спасибо тебе, Чар, — поправил принц. И продолжил: — Твоя мама умела меня насмешить. Один раз на приеме советник Томас произносил речь. Он говорил, а твоя мама вертела в руках салфетку. Я наблюдал за ней, пока твой отец не смял салфетку. В руках твоей мамы из салфетки получился профиль советника с открытым ртом и выпяченным подбородком. Ну точь-в-точь Томас, только голубенький и тряпичный. Пришлось остаться без обеда — надо было убежать куда-нибудь и как следует просмеяться.

Мы прошли уже полдороги. Начинался дождь. Вдали, у маминой могилы, маячила маленькая фигурка. Отец.

— Куда все делись? — спросила я Чара.

Заколдованная Элла

— Разошлись еще до того, как я отправился тебя искать, — ответил он. — Ты хотела, чтобы они тебя дождались? — встревоженно спросил он, словно ему пришло в голову, будто он должен был их задержать.

— Нет, конечно, я хотела, чтобы никто меня не ждал, — сказала я: вот было бы хорошо, если бы и отец ушел со всеми.

— Я все про тебя знаю, — объявил Чар еще через несколько шагов.

— Правда? Откуда?

— Наша кухарка встречается с вашей кухаркой на рынке. И перемывают нам кости. — Он покосился на меня. — А ты — ты много обо мне знаешь?

— Нет. — Мэнди никогда ничего не говорила. — А ты?

— А я знаю, что ты умеешь подражать чужим повадкам, прямо как леди Элеонора. Один раз ты передразнила вашего старшего лакея, так он сам не понял, ты это или он. Ты сочиняешь волшебные сказки и вечно все роняешь и обо все спотыкаешься. А однажды разбила целый сервиз.

— Я поскользнулась на льду!

— На колотом льду, который сама же и рассыпала. — Он засмеялся. И смех этот был добрый — не надо мной, а над смешной историей.

— Случайно! — возмутилась я. Но тоже улыбнулась — дрожащей улыбкой, ведь я совсем недавно плакала.

Мы дошли до отца, он поклонился:

— Благодарю вас, ваше высочество, что вы составили компанию моей дочери.

Чар поклонился в ответ.

— Пойдем, Элеонора, — сказал отец.

Элеонора... Меня в жизни не называли полным именем. Элеонора — это мама. И всегда будет мама.

— Элла. Я Элла, — сказала я.

— Ну, Элла так Элла. Пойдем, Элла.

Он еще раз поклонился принцу Чарманту и забрался в карету.

Мне пора было идти. Чар подсадил меня. Я не знала, как положено — дать ему руку или позволить поддержать под локоть. В итоге он взял меня выше локтя, а мне пришлось другой рукой схватиться за дверцу кареты, чтобы не упасть. А когда Чар закрыл дверцу, я подобрала юбку — и раздался громкий треск. Отец поморщился. Я посмотрела в окно и увидела, что Чар опять смеется. Поглядела на юбку — на шесть дюймов выше подола красовалась огромная дыра. Даже Берта нипочем не сумеет зашить ее так, чтобы не было видно.

Заколдованная Элла

Я отодвинулась подальше от отца. Он уставился в окно.

— Хорошо получилось. Весь Фрелл пришел — по крайней мере, все заметные люди, — проговорил он, словно речь шла не о маминых похоронах, а о бале или турнире.

— Ничего хорошего. Было ужасно, — буркнула я. Разве мамины похороны могут быть хорошими?

— Принц к тебе благоволит.

— Он любил маму.

— Твоя мать была красавица. — В его голосе прозвучало сожаление. — Печально, что ее больше нет.

Натан щелкнул кнутом, и карета тронулась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда мы вернулись в усадьбу, отец приказал мне переодеться в чистое и поскорее возвращаться, чтобы встречать гостей с их соболезнованиями.

В моей комнате царили мир и покой. Все было в точности так, как до маминой смерти. Птички на покрывале резвились среди листвы в своем уютном вышитом мирке. На туалетном столике лежал мой дневник. Подруги детства — тряпичная кукла Флора и деревянная кукла Розамунда в платье с семью воланами — устроились в своей корзинке.

Я села на кровать, борясь с порывом тут же исполнить отцовский приказ, переодеться и бежать вниз. Мне страстно хотелось посидеть в привычной комнате на привычной кровати и хоть немного успокоиться, но в голове вертелось только одно: отец велел переодеться.

Заколдованная Элла

Как-то раз я подслушала, как Берта говорит Мэнди, что, мол, отец только с виду человек, а внутри у него прах пополам с монетами и еще здоровенный мозг.

Но Мэнди с ней не согласилась.

— Нет, он самый настоящий человек. Только люди могут быть такими самовлюбленными — не то что феи, гномы или эльфы.

Я сопротивлялась одеванию целых три минуты. Это была моя жестокая игра — пытаться разрушить чары, посмотреть, сколько я смогу выстоять в борьбе с необходимостью исполнить приказ. В ушах у меня жужжало, пол накренился — я испугалась, что вот-вот свалюсь с кровати. Вцепилась в подушку — даже руки заболели, — словно подушка держала меня, словно якорь, и помогала не слушаться.

На секунду мне показалось, будто сейчас я просто разорвусь на тысячу клочков. Я встала и шагнула к шкафу. И все тут же прошло.

Отец, конечно, имел в виду другое траурное платье, но я надела мамино любимое. Мама говорила, травянисто-зеленый оттенок подчеркивает цвет моих глаз. Я-то считала, что в этом платье я вылитый кузнечик — тощий, угловатый кузнечик с человеческой головой и прямыми волосами.

Зато платью было не черное. Мама терпеть не могла черную одежду.

Парадная зала была набита людьми в черном. Отец тут же подошел ко мне.

— Это моя девочка, Элеонора-младшая, — громко сказал он. И повел меня дальше, шепча мне на ухо: — В этом платью ты вылитая лесная полянка. А должна быть в трауре. Все решат, что ты совсем не скорбишь по...

Тут меня сзади обхватили две пухлые руки, обтянутые черным атласом.

— Бедное дитя, мы стра-а-ашно тебе сочувствуем! — Голос был сладкий-пресладкий. — Ах, сэр Питер, как ужасно, что мы видимся по такому печальному случаю! — Меня крепко стиснули еще раз и только потом отпустили.

Это оказалась высокая полная дама с густыми длинными локонами медового цвета. Лицо у нее было белое, будто тесто, с двумя пятнами румян на щеках. Рядом стояли две ее уменьшенные копии, только без румян. Та, что помладше, не унаследовала и роскошных волос матери — ее жидкие кудряшки облепляли голову, словно приклеенные.

— Это ее сиятельство Ольга, — сказал отец, прикоснувшись к руке высокой дамы.

Заклятая Элла

Я сделала книксен и случайно толкнула младшую девочку.

— Прошу прощения, — сказала я.

Она не ответила и даже не пошевелилась — глядела на меня, и все.

— Это ваши очаровательные дочери? — продолжал отец.

— Мои сокровища. Это Хетти, а это Оливия. Через несколько дней они уедут в пансион для благородных девиц.

Хетти была постарше меня года на два.

— Рада нашей встрече, — улыбнулась она, показав крупные передние зубы. И протянула мне руку — будто рассчитывала, что я поцелую ее или склонюсь над ней.

Я растерянно уставилась на Хетти. Она опустила руку, не переставая улыбаться.

Оливией звали ту, которую я толкнула.

— Приятно познакомиться, — слишком громко сказала она.

Мы с ней были примерно одних лет. Между бровей у нее залегли складки — словно она постоянно хмурилась.

— Утешьте Элеонору в ее горе, — велела дочерям ее сиятельство Ольга. — Мне нужно поговорить с сэром Питером.

Она взяла отца под руку, и они отошли.

— Мы тебе очень сочувствуем, — заявила Хетти. — Когда ты разревелась на похоронах, я сразу подумала: «Ах, бедняжка!»

— Зеленый — не траурный цвет, — добавила Оливия.

Хетти оглядела залу.

— Красивое убранство, почти как во дворце, — надеюсь, я скоро там поселюсь. Наша матушка Ольга говорит, твой отец очень богат. Говорит, он из ничего деньги делает.

— Из воздуха, — уточнила Оливия.

— Наша матушка Ольга говорит, твой отец был беден, пока не женился на твоей матери. Наша матушка Ольга говорит, леди Элеонора и до замужества была богата, но твой отец сделал ее еще богаче.

— Мы тоже богатые, — сказала Оливия. — Богатство — большое счастье.

— Покажи нам дом, пожалуйста, — попросила Хетти.

Мы пошли наверх, и Хетти потребовалось везде совать свой нос. Она открыла платяной шкаф в маминой спальне, не успела я и слова сказать, и провела рукой по всем маминым платьям. А когда мы вернулись в залу, она провозгласила:

Закладованная Элла

— Сорок два окна, и в каждой комнате по камину. Каждое окно, наверное, стоило целый сундук золотых джеррольдов!

— Хочешь, расскажем про нашу усадьбу? — предложила Оливия.

Мне было все равно, где они живут, да хоть в дупле.

— Приезжай к нам в гости, сама все увидишь, — сказала Хетти в ответ на мое молчание.

Рядом с нами был стол, уставленный блюдами с угощением — от зажаренного целиком оленя с рогами, увитыми плющом, до сдобных печенниц, крошечных и кружевных, как снежинки. Я удивилась — когда Мэнди успела столько приготовить?

— Хотите перекусить?

— Да... — буркнула Оливия, но сестрица оборвала ее:

— Ах, нет-нет. Спасибо. Мы никогда не едим в гостях. От волнения совершенно пропадает аппетит.

— У меня аппетит не... — снова начала Оливия.

— У нас вообще очень плохой аппетит. Ма-тушка даже волнуется. Но здесь все такое вкусное... — Хетти бочком пододвинулась к столу. —

Гейл Карсон Ливайн
Л 55 Заколдованная Элла : роман / Гейл Карсон Ливайн ; пер.
с англ. А. Бродоцкой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус,
2019. — 352 с.

ISBN 978-5-389-16211-2

Элла живет в волшебном королевстве, но волшебство не всегда бывает в радость. По крайней мере, дар, которым наградила ее при рождении одна фея, основательно осложняет Элле жизнь. И Элла решает отправиться на поиски феи, чтобы уговорить ее забрать этот волшебный дар обратно...

Эта сказочная, остроумная и трогательная история принесла ее автору, Гейл Карсон Ливайн, мировую славу и любовь поклонников, а в 2004 году книга получила блистательное экранное воплощение с Энн Хэтгуэй в заглавной роли.

УДК 087.5

ББК 84(4Сое)-44

*Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста*

Гейл Карсон Ливайн
ЗАКОЛДОВАННАЯ ЭЛЛА

Ответственный редактор *Екатерина Дубянская*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Вера Дроздова, Лариса Ершова*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 27.02.2019. Формат издания 84×108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз. Заказ №
Дата изготовления 20.03.2019.

Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

C-DKB-24641-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ - ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/